

УДК 008

Концепт эстетического потенциала в зеркале культурологического анализа

Трипузов Михаил Геннадьевич

Аспирант,
кафедра культурологии и философии,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
670031, Российская Федерация, Республика Бурятия,
Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1;
e-mail: vsgaki_info@mail.ru, mtripuzov@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу сложного в теоретико–методологическом отношении феномену эстетического потенциала. При этом в ней подчеркивается, что комплексное решение научных проблем, как это показывает практика исследований в области культуры, основывается на широком использовании системного и структурно–функционального методов анализа. Разные подходы позволяют раскрыть многообразные частные формы потенциала культуры – духовного, интеллектуального, политического, научного, нравственного и, конечно же, эстетического. Все это актуализирует проблему функционирования потенциала в пространстве культуры вообще и в пространстве отдельных регионов в частности. Автор подчеркивает, что в наши дни, эстетический потенциал культуры – это результат, прежде всего, высочайших информационных возможностей современной культуры. И все это во благо и ради обеспечения качества деятельности, повышения уровня эстетического потенциала человека, коллектива и общества в целом.

Для цитирования в научных изданиях

Трипузов М.Г. Концепт эстетического потенциала в зеркале культурологического анализа // Культура и цивилизация. 2016. № 4. С. 168-185.

Ключевые слова

Культура, культурология, методология, концепт, эстетический потенциал, искусство, традиция, аксиология.

Введение

Уже в самом начале данной статьи необходимо отразить наше понимание категории «концепта» и подтвердить безусловное его правомочие в арсенале научной аналитики как в лингвокультурологической парадигме, разрабатываемой Ю.С. Степановым и В.В. Колесовым, так и в культурно- философском (как многие считают, не во всем бесспорном) подходе, представленном в трудах Ж. Делеза и Ф. Гваттари и др. Что же касается понимания этого феномена, то под *концептом* автор статьи понимает любые теоретические построения, претендующие на категориальную обособленность и используемые в научной риторике. С такой точки зрения, как нам представляется, *эстетический потенциал культуры* полностью соответствуют сущности научного концепта.

Концептом же подобные построения становятся в результате их актуализации, нового гносеологического и аксиологического наполнения, т. е. процесса, в результате которого рождается *новое смыслополагание*. Именно такие концепты содержат в себе не только постановку проблемы, но и, нередко, теоретическое ее решение, хотя и не всегда окончательное. С другой стороны, автор статьи не скрывает своего негативного отношения к так называемым «ложным концептам», представляющим собой, с точки зрения доктора культурологии, профессора В.Л. Кургузова, «... надуманные, наукообразные фантомы и которыми, к сожалению, полна гуманитаристика».

«Словосочетания, которые порождают такие «концепты», в сущности, безграмотны. Например, я не могу причислить к грамотным словосочетание «правовое государство», ибо любое государство (даже фашистское), может существовать только на основе права. Нет права – нет государства. Надо возвращаться в пещеру. Есть право – есть государство. Всем мало-мальски образованным людям известно, что устойчивость – смерть любого развития, но, тем не менее, некоторые люди даже с государственных трибун требуют какого-то мифического «устойчивого развития». Большинству культурологов известно, что политика, впрочем, как и экономика, со всеми потрохами является плодом культуры, тем не менее, мы постоянно слышим и читаем о какой-то «культурной политике». Масло масляное и больше ничего...». [Кургузов, 2011, 145].

Теперь, когда необходимые оговорки сделаны, можно приступить к изложению содержания основной части статьи, в которой делается попытка теоретико-методологической рефлексии концепта эстетического потенциала культуры.

Эстетический потенциал, как предмет культурологической рефлексии

Процессы глобализации, как и многие другие явления и тенденции современного общественного развития, объективно требуют оценки их возможного влияния на будущее как человечества в целом, так и отдельно взятого народа, этноса, индивида. Нередко они ассо-

цируются с негативными, кризисными или даже катастрофическими последствиями для населения отдельных стран, регионов, континентов, и, наконец, планеты Земля в целом.

С другой стороны, с позитивным вектором подобного рода явлений связываются перспективы существования (выживания) или развития цивилизации. Выбор критериев оценки этих явлений и процессов определяется чаще всего конкретной задачей прогноза будущего развития человечества, отдельно взятых народов и этносов. Все это говорит о том, что оценка социокультурных, психологических, информационных, научно–технических, политических, экономических изменений в жизни людей не только в настоящем, но и в прошлом, требует разработки специального *концептуального аппарата*, и, прежде всего, выбора ключевых понятий: критериев и показателей этой оценки.

Комплексное решение научных проблем, как это показывает практика исследований в области культуры, основывается на широком использовании системного и структурно–функционального методов анализа. Разные подходы позволяют раскрыть многообразные частные формы потенциала культуры: духовного, интеллектуального, политического, научного, нравственного и, конечно же, *эстетического*.

Выбор эстетического потенциала культуры в качестве основного ракурса нашего исследования имеет неоспоримое преимущество: он выявляет эмоционально–ценностные и художественно–творческие координаты культуры, ее специфические начала, связи и отношения (эстетические в частности), упорядочивающие в соответствии с эстетическими нормами (красоты, совершенства, выразительности, гармонии и др.) направленность, содержание и формы деятельности человека.

Однако прежде чем перейти к теоретическому обоснованию феномена *эстетического потенциала*, необходимо, хотя бы в краткой форме, остановиться на проблеме *эстетического измерения* бытия человека, объективной необходимости, потребности человека в прекрасном. Лишь только в этом случае можно убедительно доказать актуальность темы нашего исследования. Иными словами, потребность в рефлексии эстетического потенциала может возникнуть только тогда, когда будет ясное понимание *потребности* человека в *красоте* своей жизнедеятельности, всего того, что его окружает.

Как известно, в процессе жизни человек стремится к реализации различных потребностей, которые в той или иной мере определяют общую направленность социального бытия. Но устремленность к гармонии является не просто одной из необходимых граней, а составляет сущность культуротворчества. Не случайно Ф.М. Достоевский в одной из статей об искусстве высказал идею, что потребность в красоте и творчестве, воплощающем ее, есть такая же потребность, как есть и пить, и без нее человек не захотел бы жить на свете [Достоевский, 1987, 80]. Это означает, что для человека важна не столько жизнь сама по себе, сколько ее качественное содержание, эстетическая наполненность в том числе.

Русский философ Н.А. Бердяев в работе «Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого» сформулировал главный принцип индивидуального и Вселенского суще-

ствования: «Красота есть конечная цель мировой и человеческой жизни» [Бердяев, 2006, www]. Изучение общественных систем прошлого и настоящего подтверждает этот вывод и свидетельствует о том, что в центре внимания любой подлинной культуры всегда стояли следующие задачи:

- гармонического обустройства социальной жизни;
- поддержания гармонии между обществом и природой;
- совершенствования по законам красоты самого человека.

Вот почему можно без преувеличения сказать, что устремленность к красоте есть фундаментальная потребность, пронизывающая все грани человеческой жизни: мифологию, религию, мораль, искусство, философию, науку, материальную деятельность. Именно в процессе поиска устойчивой, надежной гармонии сформировались практически все явления культуры глобального масштаба и, безусловно, эстетическая культура в том числе.

Эта фундаментальная потребность могла обосновываться, а могла проявляться бессознательно, спонтанно; могла реализовываться успешно, достаточно полно, а могла воплощаться трагично. Однако глубинный позыв к поиску абсолютной гармонии неизменно заявляет о себе в любой культуре и является главным стимулом человеческого поведения. Это стремление к «абсолютной гармонии» реализуется главным образом с помощью *искусства*, характерная черта которого – устремленность к совершенному миру.

Искусство – это уникальная форма художественной деятельности человека, в ходе которой его сознание обретает знаковое отображение в произведениях художественного творчества. Оно является своеобразным «переводчиком» смыслов общественного сознания, заключенных в художественной картине мира. «Интерес к теоретическим проблемам искусства, – как справедливо отмечала на Третьем Российском культурологическом конгрессе доктор философских наук, профессор В.И. Лях из Краснодарского университета культуры и искусств, – правомерен, так как изменившиеся условия его бытования требуют скорректировать его роль и место в современном мире, рассмотреть его функционирование в широком социокультурном контексте» [Лях, 2010, 513].

Множество определений искусства – свидетельство многогранности и сложности этого феномена, который исследуют философия, история, социология, эстетика, искусствоведение и, конечно же, культурология. Оно – составной элемент морали и религии, а все они вместе взятые являются плодами культуры. В пространственно-временных рамках культурологии (что характерно для нашего исследования) стала актуальной концепция изучения искусства с точки зрения внутренней логики и закономерностей развития различных направлений научной деятельности, определения научных дисциплин, которые являются атрибутивной, необходимой характеристикой данной проблемы. Все это дает нам право констатировать, что культурология искусства и, разумеется, его эстетического потенциала, суммирует и интегрирует многообразные знания о закономерностях функционирования, из-

менения искусства, раскрывает базовые культуuroобразующие основания в многообразной по видам и формам деятельности человека.

Непреходящая актуальность совершенствования личности средствами искусства связана с тем, что сознание, как самый динамичный субстрат, подвергаясь воздействию внешних влияний и внутренних факторов, нередко способно «затемняться». Эту мысль своеобразно высказал исследователь художественной культуры В.Ф. Мартынов: «Ментальный свет атакуется инстинктивными влечениями, хаосом внешнего мира. Разрывая связь с духовным миропониманием, Вселенской гармонией, индивид вынужден цепляться за фиктивные ориентиры, отдаваясь во власть иллюзорного, временного. Каждое мгновение человек делает выбор между истинным и ложным, возвышенным и низменным, прекрасным и уродливым» [Мартынов, 2000, 14].

И действительно это так. Еще представители древних культур напряженно размышляли над поразительной способностью человека постоянно «соскальзывать» в бесконечное зло. Так, в греческой мифологии Агава, мать Пенфея, охваченная вакханическим экстазом во время празднества в честь Диониса, разрывает на части своего сына, приняв его за львенка. Насадив оторванную голову Пенфея на остроконечную палку, Агава с ликованием возвращается домой и тут, когда ее сознание проясняется, испытывает ужасное потрясение. Трагическая сцена возвращения Агавы с головой Пенфея, изображенная Еврипидом в трагедии «Вакханка», пользовалась большой популярностью у античных зрителей. Геракл, в припадке безумия также убил своих детей. Растерзанный вакханками погибает Орфей, олицетворяющий любовь и красоту.

Искусство можно рассматривать как важнейшее средство гармонизации инстинктивного и разумного, стихийного и сознательного. Под влиянием определяющего воздействия разума и воли человек в состоянии овладеть спонтанной энергией инстинктивных сил, преобразуя ее в «умные эмоции» – эстетические чувства, которые реализуются в художественном творчестве. Именно поэтому Шеллинг полагал, что «красота встает на защиту духа, который одолевают страсти, она является главным оплотом в борьбе с природными влечениями, помогая украшать низшие начала в человеке» [Шеллинг, 1934, 310]. Однако всем известно, что формы деструктивного проявления человеческой души многолики: за ними могут скрываться разные причины, поэтому следует обратить внимание еще на одну тенденцию.

Английский ученый, лауреат Нобелевской премии Ч. Шеррингтон сравнивал внутренний мир человека с воронкой, которая обращена широким отверстием к окружающей действительности, а узким отверстием к самому человеку, его действиям и поступкам. Внешний мир вливается в индивида через широкое отверстие тысячью зовов, влечений, желаний, но лишь ничтожная их часть может реализоваться, получить отклик в силу ограниченности физических возможностей личности. Неосуществленное же в нашей жизни способно порождать сугубо отрицательную энергию. Но чтобы организм был приведен в равновесие и

был преодолен внутренний разлад, необходимо открыть «клапан», выпустив «взрывоопасный пар» [Кондратенко, Игошина, 1985, т. 2, 264].

Таким образом, искусство, обладающее мощным эстетическим потенциалом, помогает внести свет гармонии во внутренний мир человека, а именно: преодолеть диссонанс, пробудить дремлющие духовные силы, реализовать скрытое в форме фантазий и, в то же время, произвести оздоровительное воздействие, очищая от душевного хаоса и способствуя достижению просветленного состояния.

Многие философы не без основания полагают, что наиболее серьезные противоречия во внутреннем мире личности возникают потому, что чувственная, телесная реальность не обладает свойством абсолютности, она изменчива, неустойчива и относительна по своим характеристикам. Поэтому, как совершенно справедливо заметил Д. Рейнольдс, «Цель и стремление всех видов искусства – дополнять естественное природное несовершенство вещей и удовлетворять нашу потребность в воплощении того, что существовало лишь в нашем воображении» [Грубер, 1967, т. 3, 433].

Искусство с помощью своих специфических эстетических средств дает возможность ощутить моменты наибольшей полноты бытия, прикоснуться к тайне абсолютности, осуществляя синтез телесного и духовного, как ограниченного и безграничного.

С помощью искусства человек пытается управлять амбивалентностью мгновения, ибо индивид стремительно движется во времени. Его пребывание на Земле – проходящее, и он об этот хорошо знает. Время же ломает судьбы, стирает человеческую красоту, рождает боль, вносит хаос, уничтожая целые народы, культуры и цивилизации. Пространство не столь беспощадно к индивиду: человек с успехом им овладевает. Но, время всегда остается загадочным и неподвластным. Вырывая человека из обжитого пространства, временной поток пытается растворить уникальность каждой судьбы.

«Искусство, – как справедливо подчеркивает В.Ф. Мартынов, – является единственным средством, величайшим изобретением, позволяющим остановить уникальность человеческого мгновения, сохраняя его неповторимый аромат. Искусство воскрешает прошлое в его многообразной полноте. Оно раздвигает временные рамки, приобщая человека к уникальному, душевному опыту, ибо время существования личности измеряется не количеством прожитых лет, а интенсивностью, яркостью переживаний, их смысловой направленностью, внутренней событийностью» [Мартынов, 2000, 16].

Жизнь одного человека, умноженная на сокровенный, неповторимый опыт, зафиксированный в искусстве, расширяется до бесконечных горизонтов. Время не властно над искусством. Расширение индивидуального опыта, прорыв к безграничности дарит человеку чувство восхищения, благоговения, пробуждает в душе глубочайшие переживания максимальной полноты бытия, позволяет достигнуть оптимального психического состояния.

Сокровенная связь искусства с Вечностью была глубоко понята еще в культуре Древнего Египта. Здесь эстетическому творчеству отводилась сакральная роль: оно было призвано

дарить бессмертие, быть проводником в иной мир. Подлинное искусство всегда стремится изображать не просто эмпирические факты, но реальность в ее субстанциональном значении, трансформируя мгновение в Вечность. Следовательно, в искусстве, доверху заполненном множеством эстетических смыслов, выражено извечное стремление людей к более совершенному миру, абсолютной гармонии бытия.

Между тем, искусство никогда не создавалось только ради бескорыстного любования красотой окружающего мира. Вводя во внутренний мир личности новые духовные ценности и новый духовный опыт, бесконечно раздвигающий рамки индивидуального мировидения, искусство становится мощным фактором развития души. Приобщая людей к культурному наследию, уникальности личностного мироощущения, искусство органично включает индивида в сферу общечеловеческих поисков, помогает выстроить систему собственных ценностей, оказывает катарсическое воздействие, гармонизируя бессознательное и сознательное, очищая внутренний мир от отрицательных эмоций, аффектов, выступая как источник познания глубин человеческого духа. С помощью искусства формируются такие уникальные способности личности как воображение, память, способность к творчеству, абстрактному мышлению и эмпатии.

Культурно-исторический опыт свидетельствует о том, что только в тесном общении с красотой как рукотворной, так и природной, формируется *человек гуманный*, с богатым, многоцветным (а не черно-белым) душевным миром. Гуманистическая же направленность личности определяется степенью развития чувственно-эмоциональной сферы, так как быть гуманным – значит обладать душевной чувствительностью и чутко отзываться на все оттенки добра и зла, уродливого и прекрасного, не смешивая эти понятия. Быть гуманным – значит, говоря словами классика белорусской литературы Я. Купалы: «ощущать нерасторжимую нить с Землей и Небом, со всем Мирозданием».

В реальном процессе культурно-исторического развития искусство активно взаимодействует с мифологией, религией, философией, моралью, наукой, политикой, что, безусловно, способствует приращению его эстетического потенциала. Но в отличие от многих других сфер духовного освоения мира, которые фиксируют отдельные грани действительности, искусство синтезирует мир, постигая его всесторонне, сохраняя и оберегая целостность человеческого восприятия, жизненного опыта, интегрируя индивида в мировой культурный процесс, одухотворяя, гуманизируя бытие, помогая узреть подлинный смысл человеческого существования. В этом, как нам представляется, и заключается всемирно-историческое, непреходящее значение искусства и художественной культуры в целом.

Теперь, когда мы в общих чертах выразили свое понимание роли искусства в бытии человека, и когда мы, хотя и схематично, попытались обозначить колоссальные потенциальные возможности искусства как носителя эстетических ценностей, можно специально обратиться к анализу предмета нашего исследования – феномену *эстетического потенциала*. При этом уместно подчеркнуть, что автор статьи намерен рассматривать его в качестве

органической и неразрывной части *культурного потенциала*, ибо оба этих потенциала соотносятся по принципу дедукции, как *общее* (культурный потенциал) и *частное* – эстетический потенциал. Именно это обстоятельство и обязывает нас начать обоснование последнего с феномена потенциала культуры. Иными словами, мы полагаем, что, не разобравшись в общем, будет невозможно постигнуть частное.

В условиях реформирования российского общества, включая и процессы, происходящие во всех областях жизнедеятельности человека, в том числе и в духовной сфере, важнейшее значение приобретают вопросы изучения готовности культуры к дальнейшему самодвижению и саморазвитию. С другой стороны, совершенствование всех сторон жизнедеятельности человека и общества предполагает глубокое осмысление различных аспектов *культурного потенциала*, т. е. тех социальных и духовных источников, возможностей, резервов и средств деятельности, которые обеспечивают прогресс общества и личности. И эта проблема представляется нам весьма перспективной и заслуживающей широкого обсуждения.

Однако дело осложняется тем, что и в зарубежной, и в отечественной аналитике, имеется крайне мало более или менее серьезных публикаций как о *культурном потенциале*, так и о *потенциале культуры*, что, по справедливому мнению В.Л. Кургузова, «...суть – не одно и то же». «Нам неизвестно, – пишет он, – ни об одном общероссийском научном форуме, посвященном данной проблеме. Этого понятия не найти ни в одном культурологическом словаре или энциклопедии. Сплошное «белое пятно» или «черная дыра», как любил выражаться московский культуролог В. Рабинович» [Кургузов, 2009, 7].

Примечательным исключением в этой связи является лишь Межрегиональная научно-практическая конференция «Культурный потенциал Байкальского региона», проведенная Министерством культуры Бурятии в июле 2009 года. В основном пленарном докладе на этой конференции – «Культурный потенциал: проблема сущности и понятия» – научный редактор 2-х томного издания материалов этого форума, доктор культурологии, профессор В.Л. Кургузов подчеркнул, что «проведение данной научно-практической конференции в гносеологическом плане – весьма рискованное, но очень перспективное мероприятие, ибо явление *культурного потенциала* не только загадочное, сложное, но и во многом противоречивое и практически не разработанное современной наукой. Это, с одной стороны, привлекает к нему внимание аналитиков, а с другой – «отпугивает» своей сложностью их от теоретического исследования данного феномена» [там же, 8].

Исследование феномена культурного потенциала, это, бесспорно, явление комплексное, ибо сам объект – культура – сложнейшая комплексная система. Но, руководствуясь словами Паскаля «Определите значение слов, и вы избавите человечество от половины заблуждений», мы все же начнем его изучение с определения слова «потенциал».

Итак, сам термин «*потенциал*», выбравшись из лона естественной аналитики, в частности из физики, где он понимается как *действие, которое еще не сделано, но может быть сделано*, в наши дни широко вошел в лексику общественных гуманитарных наук и публици-

стики. Например, сегодня можно слышать о политическом потенциале партий и движений, экономическом потенциале региона, города, завода, образовательном потенциале высшей или средней школы, психологическом потенциале коллектива, человеческом потенциале системы безопасности страны и т. п. При этом каждый из нас интуитивно чувствует, что имеется в виду, понимает смысл, спрятанный в термине «*потенциал*». Для обыденного сознания интуитивного представления часто оказывается достаточно, чтобы почувствовать возможные благоприятные или негативные последствия какого-то явления, тем более что в публицистике для описания критических ситуаций и их последствий, как правило, используются метафоры. Однако этого *крайне мало*, чтобы успешно прогнозировать наступление этих последствий и управлять развитием ситуации.

«Для решения научно-практических задач современного периода развития социума и культуры, – как подчеркивает В.Л. Кургузов, – содержание понятия – «*культурный потенциал*» – должно быть четко зафиксировано, что позволит уточнить улавливаемый на интуитивном уровне его смысл и при необходимости избавиться от ситуативной и концептуальной зависимости» [там же].

В порядке предварительной констатации необходимо отметить, что, как далее отмечает этот ученый-культуролог «...интрига в определении «культурного потенциала» начинается со слова «культурный», ибо что такое «культура» никто точно не знает. Не от хорошей же жизни из книги в книгу кочует какое-то немислимое число ее определений. На сегодняшний день их более 2 тысяч. Объект как бы исчезает, не дается для определения, как вода просачивается сквозь пальцы. Нередко создается впечатление: да есть ли она – Культура вообще?» [там же, 11].

С точки зрения одного из первых исследователей эстетической культуры и эстетического потенциала в нашей стране, Н.Б. Крыловой, существующие многочисленные определения понятий культуры фиксируют, прежде всего, «разные методологические и методические нюансы анализа. В этом плане множество определений культуры – не результат какого-то субъективизма ученых, их нежелания найти единую все определяющую дефиницию, а результат многомерности самого объекта. Конкретные определения передают многоликость такого сложного социального явления, каким является культура, отражая разные стороны, аспекты, особенности его развития, акцентируя внимание на том или ином моменте, необходимом в контексте исследования» [Крылова, 1990, 5].

Однако все исследователи, как отмечает академик Э.А. Поздняков в своей монографии «Философия культуры», выражают согласие в одном: «Культура, наряду с природой есть важнейшая форма бытия человека» [Поздняков, 1999, 9]. С этим согласны все, а дальше, если и пойдут разночтения, то для нас вполне достаточно и этого общепринятого философского утверждения.

Есть и еще одна сложность при определении понятия «культурный потенциал». В связи с этим, автор данной статьи заранее извиняется за пространность приводимой ниже цита-

ты, которая, тем не менее, чрезвычайно важна для логики обоснования сущности феномена «эстетический потенциал» и понимания авторской позиции.

«Нам необходимо разграничить хотя и очень близкие, но, все же не идентичные понятия «культурного потенциала» и «потенциала культуры». Если сравнивать эти две категории, то вторая – потенциал культуры – гораздо шире, чем первая. Я бы определил его так: потенциал культуры – это потенциал *уже* сказанного и сделанного и *еще* не сказанного и не сделанного. Иными словами – это категория, характеризующая не только прошлое, но настоящее и будущее в глобальной перспективе. Поэтому этот феномен во многом прогностический, футурологический и, если хотите – иррациональный, ибо ни один ученый, даже с мировым именем, не сможет точно предугадать будущее человечества и его культуры, а, стало быть, и ее потенциала. Культурный же потенциал, как мне представляется, в большей мере нацелен на день *сегодняшний*. Он, более прагматичен и рационален. Потенциальные возможности необходимы нам, прежде всего, «здесь и сейчас», они нужны нам для освоения действительности. Хотя и будущее культурному потенциалу тоже не чуждо, но в гораздо меньшей степени» [Кургузов, 2009, 9].

Но, в методологическом отношении нельзя не заметить и проблему близости понятий «культурного потенциала» и «человеческого потенциала». Если уж мы понимаем культуру как одну из форм бытия человека, то по законам формальной логики содержание культурного потенциала должно выступать одной из качественных характеристик этой формы, ее содержанием. Иными словами, культурный потенциал является одной из важных морфологических единиц системы человеческого потенциала, иерархически входящего в нее и диалектически взаимодействующим с ней на правах формы и содержания. В концепции человеческого потенциала О.И. Генисаретского, Н.А. Носова и Б.Г. Юдина содержание этого понятия раскрывается на основе представления об уровне (качестве) индивидуальной и социальной жизни [Генисаретский, Носов, Юдин, 1999, 20].

Итак, чтобы приступить к обоснованию феномена предмета нашего исследования – *эстетического* потенциала, нам необходимо остановиться на каком-то определении *культурного* потенциала как базового основания потенциала эстетического. Но тут, к сожалению, следует признаться, что в научной аналитике обнаружить дефиницию культурного потенциала нам не удалось. Это, в частности, подтверждает и В.Л. Кургузов, который отмечает что: «...для отечественной культурологии в настоящий момент термин «культурный потенциал» обозначает, скорее всего, программно-заданный объект анализа и практических усилий, чем объект научного изучения и научно обоснованных оценок. Эта исходная методологическая ситуация объясняется тем, что сегодня научное сообщество еще не располагает таким понятием культурного потенциала, которое можно было бы считать определенным и общезначимым» [Кургузов, 2009, 13].

Учитывая это, было бы наивно полагать, что без определения культурного потенциала (общего) возникло бы определение эстетического потенциала культуры (частного). Поэтому,

в попытках дать определение эстетического потенциала, исследователь этой проблемы обречен искать родовые характеристики этого концепта путем анализа других категорий культуры, например, *эстетические идеи, эстетическая деятельность, эстетическая реальность* и пр.

Уже в самом начале этого дискурса следует особым образом подчеркнуть, что интерес к культуре возрастает по мере того, как общество все более ощущает ее дефицит и осознает возможные социокультурные, нравственные, гуманитарные последствия этого дефицита. Не случайно в этой связи и внимание к вопросам эстетики, эстетическому воспитанию, эстетической деятельности в целом.

С нашей точки зрения, выявление, например, закономерных связей эстетической деятельности с эстетическим потенциалом вполне очевидно и зримо обнаруживает их общее эвристическое содержание. Оно, как в случае с темой нашего исследования, раскрывает условия действия эстетических факторов общественной жизни, как прошлого, так и настоящего, их роль в культурном процессе, позволяет взглянуть на известные факты истории культуры с позиции их эстетической ценности, используя культурологическое знание в уточнении стратегии современного культурного строительства.

Культура же в этом смысле представляет собой обобщающую характеристику деятельности поколений людей, слагаемое их целенаправленных усилий по сохранению, освоению, потреблению и созданию мира человеческих ценностей, как материальных, так и духовных. И именно в силу интегративности характеристик требуется рассмотрение культуры одновременно как способа и качества деятельности и организации общественной жизни, как исторически определенных особенностей содержания и форм, образа и стиля жизни, деятельности людей. Иными словами, системный анализ, применяемый в этой ситуации, позволяет рассматривать культуру в сложном переплетении ее исторических видов, социальных типов и форм.

Однако здесь невольно возникает одно вполне оправданное сомнение. Взяв в качестве предмета исследования не всю культуру, а только потенциал, как *совокупность основных источников, возможностей, внутренних сил и средств саморазвития*, и, даже *потенциал* не во всем объеме, а только *эстетический*, не сводим ли мы тем самым предмет исследования к эстетической, или (шире) художественной культуре?

При попытке ответа на этот вопрос следует иметь в виду, что эстетический потенциал культуры – более сложное и менее определенное (в сравнении с эстетической культурой) явление. Он включает такие эстетические идеи, ценностные отношения, образы, которые предвосхищают эвристическое многообразие эстетической и общей культуры, являют собой открытия еще неизведанного и представляют тем самым некоторую возможность, совокупность задатков развития, реализация которых в деятельности последующих поколений может открыть новые горизонты культуры.

Выше мы уже отмечали принципиальную разницу между понятием «потенциал культуры» и понятием «культурный потенциал». Точно так же необходимо отличать категорию

эстетического потенциала культуры от категории *потенциала эстетической* культуры. В первом случае речь идет о специфических возможностях развития культуры в целом. Если *эстетическая культура* есть живой, творческий процесс бытия, самоопределения и самоутверждения *эстетической деятельности*, то ее *потенциал* – есть одновременно и наша *оценка возможностей эстетической культуры* и наш *выбор наиболее перспективного в этом процессе*.

В эстетическом потенциале культуры, как отмечает А.И. Илиади, наиболее заметны «действия проектировочных, поисковых, эвристических функций. В его недрах идет опробование форм и методов, идей и образов эстетической деятельности, формирование эстетического поля культуры, необходимого для совершенствования всей социальной технологии» [Илиади, 1975, 13]. Специфическая роль эстетической деятельности в культурном процессе состоит в том, что в любой ее форме: эстетической идеи, теории, художественного образа или идеала, она представляет высшее личностное достижение художника как общезначимое и общеинтересное.

С нашей точки зрения, рассуждать об эстетическом потенциале в отрыве от размышлений об эстетических источниках, эстетических связях, эстетических средствах и возможностях культуры, в особенности в отрыве от анализа *эстетической деятельности* человека, совершенно бессмысленно, потому что все эти категории диалектически взаимосвязаны, и разорвать эти связи невозможно. При этом следует помнить, что в анализе *одно* всегда дополняет или опровергает *другое*.

Сказанное выше нетрудно доказать, ибо в искусстве каждый, даже средних способностей человек, соизмеряет себя с гением, с великим талантом, сам поднимаясь до высот человеческой мысли и чувства. Эта особенность эстетической деятельности объясняет также гуманистическую природу искусства, его вечную обращенность к внутреннему миру каждого человека. Именно так эстетическая деятельность и творит *личность* человека для *культуры*.

Исследователь эстетической деятельности человека Н.Б. Крылова совершенно справедливо отмечает: «Специфическая роль эстетической деятельности в культурном процессе состоит в том, что она является универсальным, всесторонним, многообразнейшим поиском (сотворением, моделированием, творческим прогнозированием) наиболее выразительных и совершенных форм человеческой деятельности. Сила и доброта, правдивость и выразительность художественного творчества безграничны в стремлении умножить мир человеческих ценностей» [Крылова, 1990, 6]. Получается, что именно так эстетическая деятельность творит уже саму *культуру* для *человека*, во имя развития личности.

Наконец, специфика эстетической деятельности заключается еще и в том, что она, создавая эстетический потенциал культуры, накапливает эстетические открытия, расширяет кругозор, гибкость мышления и вкус людей. Реально претворяя в социальной практике единство истины, добра и красоты, эстетическая деятельность углубляет влияние культурных, нравственных и эстетических факторов на прогрессивное переустройство образа

жизни людей. В какой бы области материального или духовного производства не трудился человек, он всегда стремится соизмерять поступки и действия, а также проявление свойств человека или природы с позиций эстетических норм. Так эстетическая деятельность в процессе постоянного поиска выразительности и совершенства творит *культуру* для *последующих поколений*.

Эстетическая деятельность – понятие, характеризующее как продуктивно-творческую, так и репродуктивную деятельность, совершаемую по социальным законам и законам эстетического вкуса в соответствии с эстетическими критериями выразительности и красоты, или их модификациями, связанными со сложными оценками гуманистического содержания социальной практикой (трагическим, героическим и комическим). Эстетическая деятельность всегда объективируется в формах эстетического сознания (теоретического и обыденного) и в предметно-практических формах, воплощающих эстетические потребности и представления в конкретные вещи, предметы, произведения искусств, культурные ценности.

Иными словами, социальная реальность, которая стоит за понятиями «эстетическая деятельность», «эстетическая культура», «эстетический потенциал культуры» и «культурный прогресс» – это живое наполнение каждой исторической эпохи, уровня культурного развития того или иного общества, нации, этносов, групп, особенностей их эстетического сознания и творчества.

Анализ реальной роли любой эстетической деятельности в обществе опирается на описание тех потенциальных возможностей, которые она открывает в культуре. Следует только иметь в виду, что эстетическая деятельность всегда создает больше того, что утверждается, приживается и начинает входить в «копилку» незыблемых культурных ценностей.

Сам собой возникает риторический вопрос: нужен ли культуре вообще этот эстетический «полигон» в лице эстетической деятельности, где апробируются оригинальные эстетические идеи, вскрываются потенциальные возможности эстетических инноваций? Не является ли это излишней тратой творческих сил, бесплодным расточительством эстетических возможностей человечества?

Вся история мировой культуры и искусства показывает, что такой механизм не только не является излишним, но и, напротив, естественным образом органически вписывается в культурную деятельность в целом. Он нужен, поскольку именно благодаря ему мы имеем богатство художественного языка, широту художественных форм, разнообразие эстетических идей и норм, стимулирующих деятельность человека в его устремлении к совершенствованию. Можно с большой уверенностью утверждать, что чем шире диапазон эстетической деятельности, тем более развит вкус, способность человека к оценкам, и тем, стало быть, выше качество этой деятельности.

Эстетический потенциал, если его рассматривать с точки зрения субординации указанных выше понятий, выражает их специфическую связь, он словно соткан из взаимоотношений и взаимопроникновений эстетических норм и ценностей, идей и представлений,

утверждающихся и бытующих в любом культурном пространстве. Однако, с точки зрения В.Л. Кургузова, основная проблема состоит в том, что «...любой потенциал в точных науках вычисляется, а, как эстетический, так и духовный и культурный потенциалы в целом нельзя выразить *квалиметрическими показателями*, что во многом сдерживает применение этих феноменов в социо-культурной практике. Их нельзя поймать «числом» [Кургузов, 2009, 16].

Вместе с тем, мы полностью согласны с выводом В.Ю. Головей из Волынского национального университета им. Леси Украинки, которая в своем выступлении на Третьем Российском культурологическом конгрессе выразила мысль о том, что «...эстетический потенциал произведения искусства определяется и культурологическими параметрами, в соответствии с которыми его эстетические, онтологические или космологические значения выявляются близкими или созвучными историческому бытию последующих культурных эпох» [Головей, 2010, 515].

Итак, с учетом всего выше сказанного и, безо всякой претензии на некую универсальность мы выносим на суд читателя авторскую версию определения культурного потенциала, под которым мы понимаем *ценностную систему качественных индикаторов возможностей человека и общества, охватывающих собой всю атрибутику понятий «красота», «эстетика», «культура»*.

Как видим, даже это, по сути рабочее, операционное определение эстетического потенциала в концептуальном плане нацеливает нас на решение серьезных практических задач, ибо данный феномен служит инструментом оценки важнейших социальных и культурных акций. Его практическая значимость, с нашей точки зрения, замыкает концепцию эстетического потенциала определенным и совершенно конкретным образом, поскольку сам этот феномен становится одним из контекстов государственной идеологии, направленной на возвышение нации, многонационального народа и общественного уклада жизни России.

Заключение

В данной статье ее автор вовсе не стремился к тому, чтобы у читателя сложилось впечатление о представленной здесь концепции эстетического потенциала культуры как окончательной и вполне завершенной. Во-первых, это не так, а во-вторых, по мнению академика И.Т. Фролова, которое мы полностью разделяем, «...статичность любой теории такого типа неизбежно означает либо ее анахроничность, либо полную непригодность для понимания каких бы то ни было гуманитарных и социо-культурных тенденций в обществе, равно как и для предсказаний результатов актуализации этих тенденций – научная ценность таких теорий равна нулю» [Фролов, 1999, 173]. Так что все, что осталось «за рамками» этой статьи, – не признак ее недоработки, а предпосылка дальнейшего развития концепции эстетического потенциала, анализа проблем для адаптации этой концепции к реальным условиям современной российской действительности.

В наши дни, эстетический потенциал культуры – это результат, прежде всего, высочайших информационных возможностей современной культуры, отнюдь, не недостатка, а, скорее, избыточного содержания эстетических идей и художественных образов, их прогностической и креативной направленности, поисковой значимости и разнообразия совершенных и целостных форм. И все это во благо и ради обеспечения качества деятельности, повышения уровня эстетического потенциала человека, коллектива и общества в целом.

В силу тех или иных причин иногда эстетический потенциал исчезает вскоре после первой своей апробации или в других случаях появляется и остается стабильным даже тогда, когда он приводит к некоторым потерям, но затем, как правило, происходит его неуклонное возрастание. Вот почему в народе говорят: «Все новое – это хорошо забытое старое». Вывод этот очень актуален для сегодняшних российских инноваторов, которые в поисках новшеств сомнительного свойства нередко забывают о ценности культурных традиций, рожденных силой нравственно-эстетического потенциала.

Между тем, в возврате к традиции обнаруживается взаимосвязь интеллектуального, эстетического и нравственного потенциалов культуры, которая осуществляется благодаря взаимодействию различных факторов социального прогресса, в том числе научного, художественного и нравственного, что находит свое отражение в нравственной проблематике, поднимаемой искусством. По этому поводу Н.Б. Крылова справедливо отмечает: «В результате взаимодействия многих факторов развития культуры эстетические идеи и художественные образы приобретают статус культурных ценностей, что само по себе значительно повышает их потенциальные возможности. Глубина, масштабность, гуманистический характер и многоплановость их содержания, яркость и жизненность форм – вот те условия, которые создают возможность естественного вхождения творения человеческого разума в мир культуры» [Крылова, 1990, 17].

Библиография

1. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого М.: АСТ, 2006. 40 с. URL http://www.litmir.co/br/?b=114520&p=29#section_12
2. Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала: основные положения. // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 7-21.
3. Головей В.Ю. Взаимодействие культурологического и эстетического подходов в исследованиях сакрального искусства. СПб., 2010. 556 с.
4. Грубер А.А. и др. Мастера искусства об искусстве: изд. в 7 томах. М.: Искусство, 1967. Т. 3. 632 с.
5. Достоевский Ф.М. О русской литературе. М.: Современник, 1987. 399 с.

6. Илиади, А.Н. Формирование эстетического поля человеческой деятельности и его практическая природа // Проблемы этики и эстетики. Л.: ЛГУ, 1975. С. 13-24.
7. Кондратенко Ф.Д., Игошина С.В. История эстетической мысли: изд. в 6-ти томах. М.: Искусство, 1985. Т. 2. 456 с.
8. Крылова Н.Б. Эстетический потенциал культуры // Культура общения. М.: Прометей, 1990. 197 с.
9. Кургузов В.Л. Гуманитарная культура: проблема актуализации концепта // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Братск: БрГУ, 2011. № 1(4). С. 145-151.
10. Кургузов В.Л. Культурный потенциал: проблема сущности и понятия. Улан-Удэ: РЦНТ, 2009. 480 с.
11. Лях В.И. Культурология искусства как теоретическая проблема. СПб.: 2010. 556 с.
12. Мартынов В.Ф. Мировая художественная культура. Минск: Стереотип Тетра-Системс, 2000. 315 с.
13. Поздняков Э.А. Философия культуры. М.: Интурреклама, 1999. 576 с.
14. Фролов, И.Т. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 176 с.
15. Шеллинг Ф.В.Й. Об отношении изобразительных искусств к природе. Л., 1934. 329 с.

The concept of the aesthetic potential in the mirror of cultural analysis

Mikhail G. Tripuzov

Postgraduate,
Department of cultural studies and philosophy,
East-Siberian State Institute of Culture,
670031, 1 Tereshkovoi st., Ulan-Ude,
Republic of Buryatia, Russian Federation;
e-mail: vsgaki_info@mail.ru, mtripuzov@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the aesthetic potential phenomenon which is rather complicated from theoretic-methodical point of view. The author points out that the complex solution of scientific problems is based on the wide usage of systematical and structurally-functional methods of analysis. Different approaches to this phenomenon allow to reveal various particular forms of the culture potential including spiritual, intellectual, political, scientific, moral culture potential

and, of course, the aesthetic one. All this actualizes the problem of the potential functioning in the culture space, in general, and in the space of separate regions, in particular. The author underlines that today the aesthetic potential of culture is the result of the highest information capacity of modern culture. It provides the quality of activities, improves aesthetic potential of human, collective and society as a whole. Due to various reasons sometimes the aesthetic potential disappears very quickly, in some cases it remains stable even when it leads to some losses, and then, as a rule, we observe its steady growth. The author comes to the conclusion that everything that has been forgotten will be introduced again. It is very important for today's Russian innovators, who are in search of dubious innovations often forget about the value of cultural traditions.

For citation

Tripuzov M.G. (2016) Kontsept esteticheskogo potentsiala v zerkale kul'turologicheskogo analiza [The concept of the aesthetic potential in the mirror of cultural analysis]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 4, pp. 168-185.

Keywords

Culture, cultural studies, methodology, concept, aesthetic potential, art, tradition, axiology.

References

1. Berdyaev H.A. (2006) *Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [The existential dialectic of the divine and human]. Moscow: AST Publ. Available at: http://www.litmir.co/br/?b=114520&p=29#section_12 [Accessed 27/07/16].
2. Dostoevskii F.M. (1987) *O russkoi literature* [About Russian literature]. Moscow: Sovremennik Publ.
3. Frolov, I.T. (1999) *Chelovecheskii potentsial: opyt kompleksnogo podkhoda* [Human potential: the experience of an integrated approach]. Moscow: Editorial URSS Publ.
4. Genisaretskii O.I., Nosov H.A., Yudin B.G. (1999) Kontseptsiya chelovecheskogo potentsiala: osnovnye polozheniya [The concept of human potential: main provisions]. *Chelovecheskii potentsial: opyt kompleksnogo podkhoda* [Human potential: experience an integrated approach]. Moscow: Editorial URSS Publ., pp. 7-21.
5. Golovei V.Yu. (2010) *Vzaimodeistvie kul'turologicheskogo i esteticheskogo podkhodov v issledovaniyakh sakral'nogo iskusstva* [Interaction of cultural and aesthetic approaches in the study of sacred art]. Saint Petersburg.
6. Gruber A.A. et al. (1967) *Mastera iskusstva ob iskusstve: izd. v 7 tomakh* [Masters of art about art: in 7 vol.]. Moscow: Iskusstvo Publ., Vol. 3.
7. Iliadi A.N. (1975) Formirovanie esteticheskogo polya chelovecheskoi deyatel'nosti i ego prakticheskaya priroda [Formation of the aesthetic field of human activity and its practical nature].

- Problemy etiki i estetiki* [Problems of ethics and aesthetics]. Leningrad: Leningrad State University, pp. 13-24.
8. Kondratenko F.D., Igoshina S.V. (1985) *Istoriya esteticheskoi mysli: izd. v 6-ti tomakh* [The history of aesthetic thought: in 6 vol.]. Moscow: Iskusstvo Publ., Vol. 2.
 9. Krylova N.B. (1990) *Esteticheskii potentsial kul'tury* [The aesthetic potential of culture]. *Kul'tura obshcheniya* [Culture of communication]. Moscow: Prometei Publ.
 10. Kurguzov V.L. (2011) *Gumanitarnaya kul'tura: problema aktualizatsii kontsepta* [Humanitarian culture: problem of actualization of the concept]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Problems of social and economic development of Siberia]. Bratsk: Bratsk State University, 1(4), pp. 145-151.
 11. Kurguzov V.L. (2009) *Kul'turnyi potentsial: problema sushchnosti i ponyatiya* [Cultural potential: the problem of the essence and concept]. Ulan-Ude: Folk Republican Center.
 12. Lyakh V.I. (2010) *Kul'turologiya iskusstva kak teoreticheskaya problema* [Cultural art as a theoretical problem]. Saint Petersburg.
 13. Martynov V.F. (2000) *Mirovaya khudozhestvennaya kul'tura* [World art]. Minsk: Stereotip Tetra-Systems Publ.
 14. Pozdnyakov E.A. (1999) *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of culture]. Moscow: Inturreklama Publ.
 15. Schiller F. (1807) *Ueber das Verhältniss der bildenden Künste zur Natur*. (Russ. ed.: Shelling F.V.I. (1934) *Ob otnoshenii izobrazitel'nykh iskusstv k prirode*. Leningrad).